

Они прожили вместе еще четыре года, не разлучаясь ни на миг.

По деревне поползли слухи: что это за дела такие, чтобы двое взрослых мужиков вечно терлись друг возле друга?

— Сын помещика и сын дурачка — связь у них явно не простая, — шептались соседи. — Целыми днями вместе, как думаете, они пара?

— Точно, как это называется... гомосексуалисты.

— Ага, противно смотреть, двое мужчин постоянно прилипшие друг к другу.

Чуньлай, слыша эти разговоры, всякий раз вспоминал, как в детстве люди поносили его последними словами. Он не боялся таких нападок, но боялся, что Гуйцань примет их близко к сердцу. Такой прекрасный человек не должен быть связан с кем-то вроде него.

Чжоу Гуйцань не понимал, что случилось и почему Чуньлай стал с ним так холоден. Он старался заботиться о нем еще усерднее, чтобы тот понял его чувства. Слухи дошли до господина и госпожи Чжоу. Они вызвали своего драгоценного сына на разговор: правда ли это?

Чжоу Гуйцань ответил:

— Это неправда. Просто я безответно люблю его, это лишь мои чувства.

Господин Чжоу от ярости зашелся в кашле, а госпожа Чжоу упала в обморок. Гуйцань решил, что время еще есть, и родители со временем смирятся с ними. Он уехал в город, чтобы посоветоваться с другом насчет признания. Он решил устроить пышную церемонию, чтобы открыть Чуньлаю свое сердце и превратить слухи в реальность.

На третий день в городе друг передал ему письмо, которое прислал Чуньлай:

Гуйцань, надеюсь, ты прочтешь это письмо с улыбкой. Как ты там? Слышал от мальчишек из школы, что ты уехал в город по важному делу. У меня все хорошо, только без тебя дети целыми днями галдят, требуя вернуть тебя назад. Помнишь, как я впервые услышал твое имя? Я был потрясен. Гуйцань — все сущее в конце концов возвращается к сиянию звезд. Это десятый год нашей встречи, и я до сих пор отчетливо помню тот день. Ты тогдашний и ты нынешний — кажется, ты изменился, а кажется — совсем нет. Что ж, ты всегда говорил, что ты самый красивый, и я признаю: я отдал тебе свое сердце еще при первой встрече. Моя любовь к тебе такова, что в жизни мы не разлучались, а в смерти хотим лежать в одной могиле. Весна в деревне Юнъю в этом году затянулась, персики еще не зацвели. Хочешь вернуться и дожждаться цветения вместе со мной?

Твой Чуньлай.

Чжоу Гуйцань был вне себя от радости. Он хвастался другу, что его любимый человек ответил ему взаимностью. В тот же день он поспешил обратно в деревню Юнъю, но по дороге, после недавнего дождя, поскользнулся и сорвался со скалы.

На этом моменте сон оборвался. Перед Цзи Личэн внезапно возник Чжоу Гуйцань, скорчил рожу и прижался лицом вплотную к ней. Девушка вздрогнула от неожиданности, а Гуйцань

победно рассмеялся. Взмахнув рукой, он вернул себе прежний благородный облик.

— Помоги мне заполучить мою невесту, и ты получишь то, что хочешь.

Это было всё, что осталось в памяти от сна — Чжоу Гуйцань приходил к ней, чтобы она устроила их призрачный брак. Цзи Личэн подскочила на кровати, словно от кошмара, и застыла в оцепенении. Немного придя в себя, она вдруг подумала: почему Линь Цзин сегодня не распекает песни с утра пораньше? Она протерла сонные глаза и посмотрела на кровать напротив.

Она была пуста.

Цзи Личэн удивилась: куда она делась? Неужели ушла завтракать? Собравшись, она открыла дверь и столкнулась с Вэнь Хэли и Сун Муяо. По пути она рассказала им о своем сне, и все трое приободрились — появилась надежда выбраться отсюда.

В столовой Цзи Личэн спрашивала всех, не видели ли они Линь Цзин, но все качали головой. Линь Цзин исчезла!

Чапай заметил:

— Исчезнуть в мире монстров — плохой знак, скорее всего, ее уже нет в живых.

Все примолкли, вспомнив о невесте клана Чжоу.

— Ничего, я поищу ее, не будем делать поспешных выводов, — твердо сказала Цзи Личэн.

Хотя Линь Цзин и была той еще штучкой, вечно притворялась, но они вместе ели и спали, и с ней в этом мире было не так скучно.

Вэнь Хэли принес булочку и подошел к ней:

— Я пойду с тобой.

Сун Муяо, жуя, невнятно добавил:

— М-м, я тозе.

Они обыскали всё вокруг, спрашивали в деревне, но никто не видел Линь Цзин. Вэнь Хэли приподнял веки:

— Может, она вообще не покидала Усадьбу Чжоу?

Цзи Личэн осенило. Она вспомнила про желтый талисман под их кроватью. В тот день она забыла рассказать друзьям, а потом решила, что ничего не случилось, и не стала упоминать.

— Пошли обратно, — прошептала она. — Только бы это было не то, о чем я думаю.

Вернувшись в усадьбу, Цзи Личэн трижды глубоко вздохнула перед дверью. Сун Муяо, заявив, что в фильмах ужасов все обычно прячутся под кроватью, чтобы напугать остальных, беззаботно вошел внутрь. Не успела Цзи Личэн его остановить, как он заглянул под кровать. В следующую секунду он с воплем отскочил за спину Вэнь Хэли:

— О господи, чуть кондратий не хватил!

— Что ты там увидел? — Вэнь Хэли шагнул вперед, полностью закрывая собой Сун Муяо.

— Жуньту, я... я не разглядел толком, кажется, человек... женщина.

Цзи Личэн и Вэнь Хэли заглянули под кровать. По искаженному от ужаса лицу они с трудом узнали Линь Цзин. Она выглядела так, будто увидела нечто запредельно страшное: рот широко открыт, глаза вытаращены, словно медные колокольчики — даже в момент смерти она не могла их закрыть. Ее ногти, которыми она так дорожила, были содраны один за другим, пальцы были в крови и превратились в кровавое месиво. Желтый талисман на досках был разорван в клочья, а на дереве остались следы крови от ее ногтей.

Цзи Личэн прикрыла рот рукой. Перед смертью она наверняка звала на помощь, но она спала слишком крепко и ничего не слышала. Если бы она не спала так глубоко, возможно, Линь Цзин осталась бы жива.

Подроспели Чапай, Чжан Вэй, Шаньшань и Сышуй. Вэнь Хэли вытащил тело, а Цзи Личэн опустила на колени и аккуратно закрыла мертвой глаза.

— Линь Цзин умерла? Как? Мы тоже умрем? — запричитал Чжан Вэй.

— Дядя, не ной, как девчонка, не говори всяких гадостей, — оборвал его Сун Муяо.

— Что нам делать с телом? — спросила Шаньшань.

— Сестренка, мне страшно, — Сышуй прижалась к ней.

— Еще легко отделались, — сказал Чапай. — В прошлом мире, где я был, из тринадцати человек выжили только двое, остальные погибли в первый же день. Оставьте ее, монстры сами разберутся с телом.

— Как разберутся? — спросила Цзи Личэн.

— Как, как, съедят, — усмехнулся Чапай.

— Я хочу ее похоронить, чтобы хоть после смерти она не стала кормом для чудовищ, — твердо сказала девушка.

— Чэнцзы, не будь такой добренькой, — отрезал Чапай. — Доброта в этом мире — это жестокость к самой себе.

— Дело не в доброте, я просто хочу иметь чистую совесть. Я перед ней виновата.

— Доброта к другим может стоить тебе жизни.

— Делай, что должен, и будь что будет, — с решимостью в глазах ответила девушка. — Я буду делать только то, что считаю правильным.

Вэнь Хэли и Сун Муяо помогали Цзи Личэн. Они решили похоронить Линь Цзин в самом красивом месте деревни — в персиковой роще. Цзи Личэн отмыла кровь с ее лица и платья, и теперь женщина выглядела так, будто просто уснула. Выкопав яму, они предали тело земле и

посыпали холмик лепестками персика. Цзи Личэн разговаривала с ней, а потом съела яблоки и апельсины, принесенные в качестве подношений.

Вэнь Хэли, увидев пустые тарелки, тихо спросил:

— Где фрукты?

Он заметил на земле апельсиновые корки и огрызки. Сун Муяо надулся:

— Я тоже хотел, хоть бы мне оставила.

Цзи Личэн, дожевывая дольку апельсина, пообещала:

— В следующий раз обязательно оставлю.

— Ладно, — буркнул Сун Муяо.

Вэнь Хэли лишь промолчал.

К сумеркам они закончили с похоронами. Цзи Личэн обсудила с Вэнь Хэли план призрачного брака, договорившись встретиться ночью в поминальном зале. Они заметили, что желтые талисманы есть только в женских комнатах, поэтому решили, что девушки будут спать в комнате Чапая и Чжан Вэя. Цзи Личэн осталась в комнате с Вэнь Хэли и Сун Муяо.

В одиннадцать вечера они с Вэнь Хэли тихо выбрались наружу. Сун Муяо, как истинный ребенок, спал без задних ног. Прошедший днем ливень оставил мокрые следы на каменных дорожках. Слуги в усадьбе Чжоу будто по сговору не показывались из своих комнат.

Они прокрались в поминальный зал. Бумажные куклы — мальчики и девочки — стояли у гроба, их черные глаза-бусины, казалось, с жутким блеском следили за незваными гостями. На белых лицах застыли неестественные улыбки, а на щеках алели кроваво-красные пятна. Цзи Личэн внешне сохраняла спокойствие, но внутри у нее все сжалось.

— Что нам теперь делать? — тихо спросил Вэнь Хэли.

— Поклонимся ему и передадим мои слова?

— Но...

— Конечно, это не сработает, — перебила его Цзи Личэн. — Мы просим о помощи, нужно проявить твердость, чтобы он понял нашу решимость.

— Например? — удивился Вэнь Хэли.

Цзи Личэн подошла к алтарю, схватила апельсин и, ловко очистив его, сунула дольку в рот:

— Будешь?

— Это и есть метод?

— Именно, — она быстро съела апельсин и потянулась за следующим. — Будем есть его подношения, пока у него совсем ничего не останется.

Вэнь Хэли не знал, показалось ему или нет, но на черно-белой фотографии Чжоу Гуйцаня улыбка стала какой-то недовольной.

Когда Цзи Личэн почти доела подношения, в зал ворвался ледяной ветер. Цзи Личэн зажмурилась, а открыв глаза, увидела, что бумажная кукла мальчика у гроба пошевелилась. Его глаза-бусины моргнули, а улыбка стала еще более жуткой.

— Он что, пошевелился? — спросила она.

— И не раз, — ответил Вэнь Хэли.

Кукла вдруг вытянулась, как резиновый Лuffy, и оказалась прямо перед лицом девушки. Вэнь Хэли рывком оттащил ее назад.

Бумажный Чжоу Гуйцань принял человеческий облик и проговорил:

— Почему ты съела мои подношения? — в голосе сквозило недовольство.

— Ты пугал меня во сне, — парировала Цзи Личэн. — Мы квиты.

Кукла на мгновение опешила.

— Зачем пришла?

— Помочь тебе жениться.

Чжоу Гуйцань покраснел еще сильнее.

— Говори, я сделаю все, что смогу.

— Тебе нужно явиться во сне своей матери и заявить о своем желании жениться на Чуньлае.

— Это поможет? В прошлый раз она упала в обморок от злости.

— Это потому, что не было меня, — уверенно заявила Цзи Личэн. — Нет такого человека, которого я не смогла бы убедить.

Гуйцань исчез, довольный ответом. Цзи Личэн отправилась в туалет, а Вэнь Хэли остался ждать снаружи.

Туалет был общим, с двумя кабинками. Сделав свои дела, она потянулась за платьем, как вдруг из соседней кабинки высунулась рука и помахала ей. Ногти были покрашены ярко-красным лаком, который странно мерцал в лунном свете. Цзи Личэн протянула ей туалетную бумагу, рука в ответ потянулась за добавкой. Девушка отдала лепестки, конфету... Когда осталась последняя конфета со вкусом апельсина, она, не оборачиваясь, бросилась к двери.

Замок заело. Она дергала его изо всех сил, но он не поддавался. Позади послышался звук падающих вещей. Цзи Личэн обернулась и увидела женщину в окровавленном свадебном платье, чьи волосы закрывали лицо. С каждым шагом с платья капала кровь. Женщина подошла вплотную, откинула волосы, и Цзи Личэн увидела безглазые черные глазницы.

Это была барышня из семьи Сунь. Она хотела убить ее.

Костлявые пальцы с красными ногтями сомкнулись на горле девушки. В этот момент она

услышала голос Линь Цзин:

— Цзи Личэн, беги!

Замок вдруг поддался, она выскочила наружу и упала в чьи-то теплые объятия. В ту же секунду дверь захлопнулась, а невесту утащили прочь две другие фигуры в свадебных платьях.

Она подняла голову и увидела четкую линию подбородка и кадык Вэнь Хэли.

— Ты в порядке? — тихо спросил он.

— Да... кажется, — она заметила, что уши Вэнь Хэли покраснели. — А ты? У тебя жар?

— Нет, — он отпустил ее плечи. — Ты слишком тяжелая.

— Я вешу всего тридцать девять килограммов! — возмутилась она.

— Ты просто коротышка, — парировал он.

— Мне семнадцать, я еще вырасту!

— Не вырастешь.

— Вырасту!

Позже выяснилось, что она провела в туалете полчаса, хотя для нее прошли лишь считанные минуты. И она отчетливо слышала голос мертвой Линь Цзин.

Линь Цзин не понимала, что с ней происходит: она стала прозрачной, парит в воздухе и проходит сквозь людей. А на полу лежало ее собственное тело — с жутким выражением лица, в окровавленном платье и с содранными ногтями. Она вспомнила ту страшную ночь... она так завидовала Цзи Личэн, которая спала так крепко. С тех пор как она попала в этот мир, она не знала ни одного спокойного сна.

<http://bllate.org/book/20940/2122900>